

Чжэн Хайян вздохнул, думая, что у его матери действительно проблемы в общении с людьми. Она отказалась взять конфеты, чтобы не быть должной и чтобы о ней не сплетничали? Какая это логика? Неужели они не могут позволить себе отблагодарить за несколько конфет? К тому же, взаимность — это хорошо. Судя по тому, как его родители обычно ведут себя, они навсегда останутся в этом маленьком городке. На самом деле Чжэн Хайян не был мастером общения, но его взгляды, даже в те времена, двадцать лет назад, были гораздо лучше, чем у его родителей.

Чжэн Хайян держал конфеты в руке, его мягкое круглое лицо с выразительными глазами смотрело на маму:

— Мама, в следующий раз, если у меня будет что-то вкусное, я тоже поделюсь с маленьким братиком.

Чэн Баоли рассмеялась, увидев серьезное выражение лица сына, и на мгновение забыла, как его воспитывать. Она потрепала его по щеке:

— Ладно, ладно, иди в комнату. Дай мне конфеты, ты не можешь их есть, иначе зубы испортятся.

Чжэн Хайян молча отдал конфеты, но он даже не мог представить, что с этих нескольких конфет начнется дружба их семьи с семьей Хань, которая продлится десятилетия и станет даже ближе, чем отношения с родственниками.

Чэн Баоли приготовила на обед три блюда и суп. Она хотела накормить сына, а потом поесть самой, но, к ее удивлению, малыш не капризничал, не плакал и не отказывался от еды. Он сидел прямо и сам ел ложкой, ведя себя идеально. Чэн Баоли обычно работала по десять часов в день, и, возвращаясь домой, она уставала от плача сына. Никакие наказания не помогали, он все равно плакал, и иногда она чувствовала себя настолько измотанной, что теряла надежду на жизнь.

Увидев, как сын ведет себя спокойно и послушно, Чэн Баоли погладила его по голове и поцеловала в щеку, решив, что она должна усердно работать, чтобы в будущем купить своему сыну большой дом и машину.

Но, только начав есть, она услышала стук в дверь кухни. Чэнь Линлин стояла на пороге, слегка смущаясь, глядя на мать и сына за столом.

Чэн Баоли быстро встала и подошла к двери:

— Сестра, что случилось?

Чэнь Линлин чувствовала себя неловко. Она не умела готовить, и с тех пор, как переехала в уезд Ланьань, она обычно ела в ресторанах со своим мужем. Но сегодня Хань Чжицзюнь не было дома, она вышла прогуляться и обнаружила, что на улицах возле дома работников почти нет маленьких кафе. Она вернулась домой, покормила ребенка, но сама осталась голодной.

Чэнь Линлин смущенно посмотрела на Чэн Баоли, ее красивые глаза блеснули:

— Сестра, я еще не успела приготовить обед. Можно мне поесть у вас?

Она постеснялась сказать, что вообще не умеет готовить.

Чэн Баоли могла отказать? Для нее соседская помощь была естественной. К тому же, ее Ян Ян

взял у них конфеты! Она быстро впустила Чэнь Линлин, добавила приборы и сказала:

— Это просто скромные блюда, не обижайтесь. Сегодня я не готовила ничего особенного.

Они сели за квадратный стол друг напротив друга. Чэнь Линлин попробовала еду, и ее брови поднялись:

— Сестра, это вкусно! Ты отлично готовишь!

Чэн Баоли была рада услышать похвалу. В то время, когда люди еще не были избалованы избытком, даже простой комплимент мог вызвать радость.

Чжэн Хайян сидел на своем высоком стульчике, наблюдая, как две женщины обмениваются комплиментами. Он, будучи ребенком, не мог вставить ни слова, но он внимательно рассматривал Чэнь Линлин и понял, что эта женщина действительно необычна. Даже через двадцать лет он встречал мало женщин, которые могли бы сравниться с ней по харизме. Видно, что она жила в большом городе, была уверенной в себе и умела общаться.

Чжэн Хайян, вернувшись в прошлое в трехлетнем возрасте, не мог совершить ничего грандиозного, но он понимал, что может постепенно изменить взгляды своей семьи и их судьбу. И, очевидно, соседка была отличным способом для этого.

Лучше, чтобы его мама общалась с такой женщиной, как Чэнь Линлин, которая приехала из большого города, чем с бабушкой, которая только сплетничает и выдумывает чужую жизнь.

После обеда Чэн Баоли помыла посуду и собиралась отвезти Чжэн Хайяна к своим родителям. Когда она мыла посуду, Чэнь Линлин принесла коробку конфет. Чэн Баоли снова почувствовала неловкость, как будто она должна была несколько сотен юаней.

Чэнь Линлин просто сунула шоколад в руку Чжэн Хайяну:

— Это ничего особенного, пусть Ян Ян съест.

После обеда Чэн Баоли уложила Чжэн Хайяна спать, а в половине второго поехала с ним к своим родителям. Но, только остановившись у ворот, она услышала пронзительный крик из дома:

— За что мне такое наказание?! Зачем я вышла замуж в вашу семью?!

Чжэн Хайян, сидя в детском кресле на велосипеде, сразу узнал голос своей тети.

Его семья со стороны бабушки была довольно сложной. Бабушка сейчас жила во втором браке, и до этого у нее было трое детей: две дочери и сын. Мама Чжэн Хайяна, Чэн Баоли, была средней. Старшая сестра — Чэн Баоя, младший брат — Чэн Баоцзюнь. Его нынешний дедушка по фамилии Чжоу, до второго брака имел только одну дочь, Чжоу Циюнь. После второго брака у них родилась младшая дочь, Чжоу Тинтин, которой сейчас было всего четырнадцать, и она училась в средней школе.

Все, кроме младшей дочери и Чэн Баоцзюня, уже были женаты и имели детей. По возрасту Чжэн Хайян был старшим среди всех.

Причина, по которой его тетя так кричала, была ему неизвестна. В те времена он был слишком мал, чтобы помнить такие детали.

Чэн Баоли припарковала велосипед, закрыла его и, взяв Чжэн Хайяна на руки, вошла в дом. Войдя, она словно попала в темноту, и глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть. Чжэн Хайян несколько раз моргнул, прежде чем смог рассмотреть обстановку. Дом был построен крайне неудобно: двухэтажное здание, довольно большое для того времени, но расстояние между передним и задним домами было меньше двух метров, и на первом этаже совсем не было солнца. Даже днем приходилось включать лампы, иначе ничего не было видно.

Внизу никого не было, и Чэн Баоли пошла наверх, поднимаясь по узкой лестнице и крича:

— Мама?

Пронзительный плач все еще звучал, и, поднявшись наверх, она увидела, что ее сестра Чэн Баоя и брат Чэн Баоцзюнь с семьей были здесь.

Чжэн Хайян, сидя на руках у матери, осмотрел главную спальню на втором этаже. В памяти все было почти так же: большая деревянная кровать, письменный стол, старый шкаф с зеркалом на двери и уникальный стол высотой около метра, на котором лежали зеркало, крем «Снежинка» и другие мелочи.

В комнате сидело несколько человек. Бабушка Чжэн Хайяна и его тетя Чэн Баоя сидели с мрачными лицами на краю кровати. Дедушка и дядя Чэн Баоцзюнь курили, а его тетя рыдала, облокотившись на письменный стол. В комнате стоял запах дешевого табака.

Когда Чэн Баоли вошла, никто не поздоровался. В комнате царил тишина и неловкость. Чэн Баоли почувствовала, что что-то не так, и, войдя, сказала:

— Папа, мама.

Затем она похлопала сына по спине:

— Ян Ян, поздоровайся.

Чжэн Хайян с самого детства не любил семью своей бабушки по многим причинам. Он не был таким вежливым, как с Чэнь Линлин, и сухо сказал:

— Здравствуйте, дедушка, бабушка, тетя, дядя, тетя.

Чэн Баоли почувствовала себя неловко. Войдя в комнату, она увидела, что все молчат: мужчины курят, женщины молчат, и она не могла утешить свою плачущую невестку, так как мать и сестра смотрели на нее. В итоге она подошла к кровати, Чэн Баоя подвинулась, и она села с сыном на руках.

<http://bllate.org/book/16484/1497804>